

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
СТАТИСТИКИ
С С С Р**

**ГОССТАТИЗДАТ
1961**

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ АН СССР
Сектор экономической статистики

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
СТАТИСТИКИ СССР

(Сборник четвертый)

ГОССТАТИЗДАТ ЦСУ СССР
Москва 1961

Четвертый выпуск «Очерков по истории статистики СССР» содержит материалы дореволюционной русской статистики и статистики первых послереволюционных лет.

К числу материалов дореволюционной русской статистики относятся статьи о возникновении в России теории статистики, о земской статистике и об исчислении некоторых экономических показателей статистикой дореволюционной России.

В статьях, относящихся к советскому периоду, освещены вопросы использования балансового метода в планировании трудовых ресурсов развития статистики материально-технического снабжения и др.

Материалы сборника будут полезны студентам и преподавателям при изучении истории статистики, а также в научно-исследовательской работе по истории статистики.

Научное редактирование сборника осуществлено проф. Т. В. Рябушкиным.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ В РОССИИ ТЕОРИИ СТАТИСТИКИ (Русское государствоведение в первой трети XIX столетия)

Историк напрасно стал бы искать среди той литературы, которая принадлежит перу русских статистиков XVIII столетия, какие-либо работы, написанные на теоретические темы. Известное статистическое описание России, составленное И. К. Кирилловым, статистические сочинения Ивана Германа, многотомные изыскания М. Д. Чулкова по истории русской коммерции и, наконец, мемуары по статистике населения Л. Ю. Крафта — все эти произведения, вошедшие в историю русской статистики XVIII столетия, нельзя причислить к теоретическим исследованиям. В этих произведениях либо излагаются в известном порядке те статистические данные, которые оказались доступными автору в условиях того времени, либо делается в духе политической арифметики некоторая оценка этих данных, прежде всего данных о естественном движении населения. Вопросы же собственно статистической теории в них вовсе не поднимаются, так же как они не поднимались и самими родоначальниками политической арифметики — Джоном Граунтом или Вильямом Петти.

Начало истории теоретико-статистической мысли следует относить к более позднему времени. Оно совпадает с началом XIX столетия. Чем же было обусловлено возникновение в это время у русских статистиков интереса к проблемам теории?

Всякая наука в своем развитии приходит к теоретическим обобщениям, когда уже накоплена известная сумма наблюдений, когда возникает потребность в осмысливании приобретенного практического опыта. Что касается, в частности, статистики, непосредственно используемой в прикладной ее части для нужд государственного управления, то расширение ее практики, за которой следует и разработка теоретических вопросов, находилось в тесной зависимости от развития социально-экономических отношений. Можно сказать, обращаясь к истории статистики, что она быстрее развивается в период разложения феодализма. Капитализм, идущий на смену феодализму, приносит с собой быстрое увеличение производства материаль-

ных благ, рост внутренней и внешней торговли, рост населения, все усложняющиеся хозяйственные связи и все обостряющуюся борьбу за рынки. В этих условиях потребность в наиболее полных статистических сведениях как об экономике своей страны, так и об экономике других стран становится настоятельной. И чем выше уровень капиталистического развития, тем острее нужда в таких сведениях. Если уже в первоначальный период развития капитализма буржуазия в своих классовых, корыстных целях нуждается в статистике, то современное капиталистическое государство не может обходиться без систематически собираемых по определенной программе статистических сведений, касающихся всех сторон ее экономической и общественно-политической жизни.

В экономическом укладе России в начале XIX столетия не произошло таких коренных перемен, которые давали бы право говорить об этом времени, как об историческом рубеже или новом историческом этапе. Характерный для этого времени процесс развития капиталистических отношений в недрах феодально-крепостнического строя, постепенно разрушавший натурально-хозяйственную систему, шел и в предшествующем, XVIII столетии. С точки зрения этого ведущего процесса, имеющего первостепенное значение для объяснения явлений общественно-политической жизни, начало XIX столетия в России являлось лишь продолжением исторического периода, начавшегося гораздо раньше. Но именно этот продолжавшийся процесс разложения феодальной системы, все более расшатывавший устои русского абсолютизма, заставил Александра I разыгрывать в начале его царствования «роль героя либерализма»¹. Интересы растущей буржуазии вынудили феодально-крепостническое дворянское правительство предпринять в области внутренней политики ряд реформаторских, успокоительных мер, тем более, что пронесшаяся совсем недавно над Францией революционная гроза являла собой устрашающий пример.

Как известно, эти реформаторские меры коснулись прежде всего наиболее острого, крестьянского вопроса. Изданный в 1803 г. указ о свободных хлебопашцах представлял попытку несколько смягчить противоречия крепостного права, все усилившиеся в условиях развития буржуазных отношений. Вместе с тем, предпринята была перестройка и самого правительства, аппарата. Учреждение в 1802 г. министерств и реформа Сената должны были придать центральным правительственным учреждениям такую форму, которая приближала бы их к современным европейским учреждениям. Меры же в области просвещения, вызвавшиеся в образовании учеб-

¹ К. Маркс, Господин Фогт; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, ч. 1, стр. 363.

ных округов и основании новых учебных заведений — уездных училищ, гимназий и университетов, предполагали создание кадров более образованной бюрократии, которая лучше могла бы справиться с усложняющимися задачами государственного управления.

Все эти проявления духа либерализма не могли не найти своего отражения и в общественной мысли, в частности в экономической мысли России. Об этом свидетельствуют и появления в экономической литературе этого времени работ, в которых доказывалась большая выгодность вольнонаемного труда перед крепостным, и популярность идей классической буржуазной экономики, с которой русское общество познакомилось по широко известному тогда труду Адама Смита.

Этот дух либерализма должен был коснуться и статистики, теоретические проблемы которой тесно соприкасались с проблемами, выдвигаемыми экономической наукой. Разработке теоретико-статистических вопросов должно было способствовать прежде всего то обстоятельство, что в это время закладывались основы официальной русской статистики. При образовании министерства внутренних дел министр В.П. Кочубей специальным циркуляром 19 сентября 1802 г. потребовал, чтобы начальники губерний для «полного и коренного познания о положении каждой губернии» прислали в министерство сведения, касающиеся движения населения, урожаев, промышленных предприятий, продовольственных магазинов и т. д., и впредь продолжали извещать об изменениях. Вместе с тем, статистика получила официальное признание и как научная дисциплина. В Академии наук с 1804 г. учреждается факультет статистики и политической экономии, а училищный устав 1805 г. предписывал иметь в университетах и гимназиях кафедры статистики, причем директор училища в каждой губернии обязан был вести статистические записи. При этих условиях могло казаться, что наступила новая эпоха в развитии статистики, что статистические данные не будут уже больше лежать под спудом в казенных канцеляриях и архивах, а увидят свет и потребуют усилий теоретической мысли для составления наилучшего плана их обработки.

Уверенность в том, что новая эпоха действительно наступила, была высказана одним из талантливейших русских статистиков того времени К. Германом, который писал, что «в государстве, в котором прежде всего каждое сведение о хозяйственном и физическом состоянии губернии делалось государственною тайною потому уже, что оно поступало в канцелярии, из коих по законам строго было запрещено сообщать архивные известия, и где токмо в последние времена предшествовавшей эпохи некоторые начальники дозволяли делать изъятие из сего правила... вдруг появился лучезарный свет, и свет сей озарил до сего мало известный предмет, а именно

внутреннее состояние государства»¹. По мнению К. Германа, требовался лишь «ученый» подход к вопросу об обработке публикуемых статистических данных.

На необходимость обратиться к теоретическим изысканиям указывал и другой крупный русский статистик начала XIX столетия — К. Арсеньев. «Ученые статистики в России, — писал он, — имеют обильные источники для своих обработываний. Сии источники в нынешнее время совершенно отверсты»².

Каковы же были те теоретические воззрения, которые начали тогда высказываться в русской статистической литературе? Как К. Герман, попытавшийся впервые в русской литературе теоретически осмыслить научное содержание и задачи статистики и оказавший, по словам академика П. Пекарского, статистике России «большие услуги тем, что старался всем своим исследованиям придавать научный характер»³, так и многие писавшие после него в течение всей первой трети XIX столетия статистики развивали или поддерживали идеи описательной школы, примыкая таким образом к так называемому государствоведению.

В своей статье «Теория статистики», напечатанной в редактируемом им «Статистическом журнале», и в книге «Всеобщая теория статистики» К. Герман стремится стать на классические позиции государствоведения. Его статистико-теоретическая концепция окрашена, так сказать, в цвета упомянутой описательной школы. Указывая, что предметом статистики в широком значении является все, «что самым отдаленнейшим образом принадлежит к какому-либо государству», К. Герман далее подчеркивает, что если говорить о содержании статистики в более тесном значении, то нужно иметь в виду «государственную достопримечательность, которую Ахенваль и Шлёцер по справедливости почитают предметом статистики».

Именно это заимствованное у классиков государствоведения представление о предмете статистики К. Герман кладет в основу своих рассуждений об отличии статистики от других наук. Поскольку предметом статистики является то, что относится к государству, то «общества, не составляющие государства, не могут иметь статистики». Отсюда вытекает и различие между статистикой и, например, географией, с которой, как отмечает К. Герман, совершенно неосновательно некоторые авторы смешивают статистику, считая ее лишь новым назва-

¹ К. Герман, Историческое обозрение литературы статистики в особености Российского государства, СПб., 1817, стр. 74.

² К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. 1, СПб., 1818, Введение, стр. 11.

³ Акад. П. Пекарский, О жизни и ученых трудах академика Константина Ивановича Арсеньева, «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 9, СПб., 1872, стр. 22.

нием старой географической науки, или землеописания. География может описывать и такие земли, жители которых не составляют государство. Предметом же статистики эти земли не могут быть. Следовательно, если «есть всемирные географии, то не может быть всемирной статистики, потому что только в малой части обитаемой земли есть государства». Здесь же следует, по мнению К. Германа, искать различие между статистикой и историей. Если предмет истории «есть все то, что сделано народами достопамятного», то предмет статистики «есть только состояние государства» и если «везде, где народы сделали что-либо достопамятное, есть материалы для истории, то только там, где народы живут под правлением, есть материалы для статистики»¹.

В других науках, — подчеркивает К. Герман, — содержится много материалов для статистики. Очень часто статистика и другие науки описывают одни и те же предметы. Однако статистика отличается здесь от других наук самим «способом предложения» этих предметов. Все явления рассматриваются статистикой с точки зрения их влияния на благо государства, т. е. как достопримечательности последнего.

Как уже сказано было выше другие статистики, современники К. Германа, затрагивая в своих сочинениях вопрос о научном содержании статистики, также высказывали взгляды, характерные для государственоведения. Так, например, Иван Голицын во вступлении к изданным им «Статистическим таблицам Всероссийской империи» пишет, что «статистика есть наука о государстве и о состоянии его естественных, денежных, военных и политических сил»².

Во многом совпадали с положениями описательной школы и взгляды нашего московского профессора И. Гейма. Впоследствии известный русский экономист И. В. Вернадский, говоря о статистических трудах И. Гейма, отмечал, что автор этих трудов придерживается направления Ахенвала и Шлёцера, господствовавшего в его время в науке. Сам И. Гейм в предисловии к своему основному статистическому труду «Опыт начертания статистики главнейших государств» указывает на это. «В рассуждении общего плана, — пишет он, — я следовал большею частью системе покойного моего наставника... Августа Шлёцера». Определяя научное содержание статистики, И. Гейм повторяет формулировки статистиков-государствоведов, говоря, что «статистика есть основательное познание действительных достопримечательностей какого-нибудь государства», под которым следует понимать «все то, что

¹ Статистический журнал, т. I, ч. 1 и 2, 1806.

² Статистические таблицы Всероссийской империи, или физическое, политическое статистическое начертание России с XIX столетия, из новейших писателей извлеченное, М., 1807, стр. 1.

споспешествует благосостоянию государства, также и то, что приносит ему вред»¹.

Идеи государственоведения содержатся и в трудах таких крупнейших представителей русской статистической науки того времени, какими являлись Е. Зябловский, К. Арсеньев и И. Щедритский. Академик П. Пекарский приводит следующую характеристику профессора Петербургского педагогического института и университета Евдокима Зябловского: «профессор Зябловский не внес в науку ни новых начал, ни новых идей. Он только был охранителем истин, принятых им в молодости»². Е. Зябловский действительно выступает лишь как охранитель старых истин описательной школы, или государственоведения, прямо присоединяясь к ней в определении научного содержания статистики.

Е. Зябловский, так же как и К. Герман, исходит из представления о достопримечательностях государства для того, чтобы отграничить статистику от других наук. Повторяя рассуждения А. Шлёцера, Е. Зябловский говорит, что особенные описания государства, делаемые географом, историком и т. д., не составляют еще статистики. Для того чтобы получить статистическое описание государства, нужно «из бесчисленного множества вещей те только выбирать, кои содержат ощутительные свойства достопримечательностей государства, то есть такие, которые приметно действуют на благо государства, или ощутительный вред наносят оному». Вполне последовательная приверженность Е. Зябловского принципам описательной школы сказывается и в том, что он придает особое значение самому порядку расположения материала в статистическом описании, видя в этом едва ли не главную задачу статистика. «Порядок, расположение и полная система необходимо должна быть, — указывает Е. Зябловский, — если статистика должна, — решить задачу, т. е. если она *должна* определить благополучие народов, их обилие или недостаток; посему план статистики не может быть произвольный»³.

К. Арсеньев свое отношение к вопросу о научном содержании статистики кратко выразил в предисловии к известной работе «Начертание статистики Российской империи», заявив, что он является в этом вопросе последователем К. Германа. Но следовать К. Герману — означало следовать положениям описательной школы. К. Арсеньев и уточняет это далее, говоря об Ахенвале как основоположнике статистической науки. «Ученый Ахенваль, — пишет К. Арсеньев, — отделил ее

¹ Опыт начертания статистики главнейших государств, М., 1821, стр. 1—2.

² Акад. П. Пекарский, О жизни и ученых трудах академика Константина Ивановича Арсеньева.

³ Е. Зябловский, Статистическое описание Российской империи, СПб., 1815, ч. I, стр. 22. 27.

(статистику — Н. Д.) от прочих наук и постановил на правилах, изменявшихся в различные времена и, наконец, довольно утвержденных»¹.

Что касается И. Щедритского, то суждения его о научном содержании статистики, высказанные им во вступительной лекции при занятии кафедры статистики и русской истории в Московском университете, являются только развитием известной формулы А. Шлёцера — *vires unitae agunt* (соединенные силы действуют). И. Щедритский считает, что именно это позднейшее определение «проводит луч к истине, выражая сущность науки», в то время как ахенвалевое представление о статистике как основательном познании действительных достопримечательностей государства недостаточно точно. Определяя статистику как «основательное познание (*disciplina*) о настоящем (*praesens*) состоянии действительных сил государства, от взаимного соединения которых зависит внутреннее и внешнее благосостояние оного»² и указывая, что такое определение соответствует формуле А. Шлёцера, Щедритский не замечает, что оно вообще не противоречит положениям описательной школы и прежде всего идеям Ахенвала. Все представители этой школы после Ахенвала вращаются в кругу различных представлений о государственных достопримечательностях как предмете статистики и к их числу принадлежит и А. Шлёцер. Он не опровергает ахенвалевского определения статистики и предлагает свою формулу лишь как общий план статистического описания, полагая, что теория статистики и должна состоять главным образом в установлении такого плана.

Почему же русские статистики-теоретики первой трети XIX столетия примыкали к описательной школе (к государствоведению)? Почему идеи государствоведения были восприняты как основа статистической теории? Ответить на этот вопрос можно, выяснив, где находятся корни этих идей, каковы были условия их возникновения.

К ранним попыткам государствоведения относятся еще те сборники сведений о различных государствах и странах, которые составлялись в XV, XVI и XVII столетиях главным образом в Италии. Эти сборники должны были осветить состояние тех государств, с которыми велась торговля. В 60-х годах XVII столетия крупный деятель немецкой науки «полигистор» Конринг предложил определенную систему описания государства и прочитал первый публичный курс государствоведения, положив начало его университетскому преподаванию. Таким образом, по словам А. Вагнера, к «начинаниям в области

¹ К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. I, СПб., 1818, стр. 1.

² И. Щедритский, Вступительное чтение о сущности, пределах и пользе статистики, «Вестник Европы», июль — август 1928, стр. 279—280.

государствоописания итальянцев и голландцев во второй половине XVII столетия примыкают немцы и, с свойственным им духом систематики, возвышают это государствоописание на степень некоторого рода систематической, описательной науки»¹.

В передовых капиталистических странах это описательное направление в статистике не получило сколько-нибудь заметного развития. Англия — родина буржуазной политической экономии — была вместе с тем и той страной, где статистика впервые была применена не для описания «достопримечательностей» государства, а для разрешения проблем политической арифметики, для исследований закономерностей развивающихся капиталистических отношений. Во Франции, которая по уровню экономического развития уступала лишь Англии и в которой быстро формировался новый буржуазный общественный строй, выработалось на почве материалистической философии и в результате успехов математической теории вероятностей такое направление статистической мысли, которое впоследствии нашло свое яркое выражение во взглядах Кетле. В Германии же XVII и XVIII столетий статистика приняла характер государствоведения, примыкая к так называемым камеральным наукам. В этой экономической отсталой стране, раздробленной на множество мелких феодально-крепостнических государств, не было условий для развития буржуазной политической экономии. Вместо нее возникла камералистика — административная «наука», приспособленная к нуждам королевских и княжеских дворов и «камер» и состоявшая, по выражению К. Маркса, из «мешанины разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы»². Эти сведения касались дворцового хозяйства, налогового обложения, финансирования войн и т. п. Одной из частей этой камералистики и являлась статистика, направленная на описание «достопримечательностей» государства. Не случайно в схемах описания этих «достопримечательностей» неизменно фигурируют наряду с данными о населении, территории, торговле такие необходимые «образованному» чиновнику того времени сведения, как сведения о штатах дворцовых учреждений, титулах короля, кавалерских орденах, высшем дворянстве и т. п.

Эту близость описательной статистики к камеральным наукам отмечает и сам крупнейший представитель русского государствоведения К. Герман, говоря, что «старинная Шлёйсера школа господствует преимущественно в Швеции и в Гер-

¹ История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе, под редакцией и с дополнениями профессора Янсона, СПб., 1879, стр. 20.

² К. Маркс, Капитал, т. 1, 1954, стр. 11.

мании; она удобнее всего приспособляется к так называемым *Камеральным Наукам* (Cameral — Wissenschaften), или к Науке управления казенными имуществами, предшествовавшей в тех Государствах Наукам Политическим»¹.

Теоретическое содержание немецкого государственоведения, примыкавшего к камеральным наукам, определялось всем направлением философской и государственно-правовой мысли Германии того времени. Представление о предмете статистики в виде «достопримечательностей» государства, которые влияют на его благосостояние, вытекало из идеи государства, заботящегося об общем благе. Эта государственная идея, выразителем которой до XVIII столетия являлся абсолютизм, а в XVIII столетии — просвещенный абсолютизм, идеологически связывалась с естественно-правовым учением, а на практике определяла всю политику полицейского государства. Известно, что идеи естественного права на протяжении всей длительной истории их развития, начиная с Аристотеля, использовались в различных целях. Немецкая философия и наука о праве XVII и XVIII столетий также восприняли идеи естественного права, приспособив их уже для оправдания абсолютистского режима. Вольфианской философией, под сильным влиянием которой находилась общественная мысль Германии XVIII столетия, провозглашались начала естественного права, согласно которым законы гражданские не должны противоречить естественным. Но, отправляясь от этих начал, вольфианская философия приходила к теории полицейского государства, неусыпно опекающего жизнь и нравственность своих подданных.

Связь между взглядами представителей государственоведения на предмет их науки и идеей государства, основанного на принципах естественного права, очевидна. Конринг, полагавший, что схема описания государства должна следовать четырем аристотелевским причинам, довольно неопределенно называл государственоведение наукой о фактах, достойных внимания в каждом государстве (*quae notatu digna existunt in republica singulari*). После него Ахенваль, значение которого в статистике немецкие ученые сравнивали со значением Адама Смита в политической экономии, выдвинул уже прочно закрепившееся во всей последующей литературе представление о государственоведении как о науке, которая изучает достопримечательности государства, влияющие на его благосостояние. Важно подчеркнуть, что в лице Ахенваля статистик соединился с представителем науки о праве, занимавшимся вопросами естественно-правового учения. Его перу принадлежит книга «Естественное право», которая носит на себе следы влияния философии Лейбница и Вольфа.

¹ К. Герман, Взгляд на нынешнее состояние статистики в просвещенных государствах Европы, «Журнал Министерства внутренних дел», кн. 1, СПб., 1829, стр. 101.

Если теория немецкого просвещенного абсолютизма, опиравшаяся на известные положения естественного права, идеологически определяла политику полицейского государства, то эта политика, в свою очередь, ставила свои задачи перед государствоведением. Требованиями этой политики, несомненно, было обусловлено то особое внимание, которое обычно уделялось государstвооведами населению в их схемах описания государства. Основоположник немецкого полицейского права Юсти утверждал, что государство не может выполнить свой долг, не располагая сведениями о состоянии различных своих частей. Прежде всего государству необходимы, по мнению Юсти, сведения о населении. Юсти придает особое значение сведениям о народонаселении потому, что, с его точки зрения, государство без достаточного населения не может быть могущественным. Другой известный представитель немецкого полицейского права — Зонненфельс также полагает, что основой благосостояния и внешней безопасности государства является достаточное народонаселение и поэтому правительство прежде всего должно позаботиться об учете его численности. Эти высказывания немецких полицейстов вполне согласуются с теми положениями камералистики, что основу абсолютизма составляют «непоколебимо стоящая армия» и «много денег в сундуке». Сильная же армия и большие доходы казны предполагают, разумеется, наличие многочисленного и деятельного населения.

Являясь продуктом феодально-крепостнического строя, составной частью всей идеологии абсолютистского режима, государствоведение, естественно, должно было найти для себя благоприятную почву и в феодально-монархической России. Насколько сильным было влияние духа камералистики и государствоведения в России, можно судить по тому, что еще в 40-х годах XIX столетия, когда уже положено было начало критике описательного направления в статистике, это влияние продолжало сказываться на сочинениях некоторых видных русских статистиков, а в Петербургском университете открывается специальный «камеральный» разряд для подготовки государственных чиновников. К. Герман в своей «Всеобщей теории статистики» подчеркивает значение статистики, вместе с другими политическими науками, именно для государственного чиновника. «...Каждый, имеющий у себя в виду высокие государственные должности, — пишет К. Герман, — обязан так же к оным предуготовляться не посредством одной токмо практики, но и посредством изучения... статистики и правоведения, есть ли намерен отправлять должность с честью в присутственных местах»¹.

Нужно, однако, указать на то, что хотя время, когда К. Герман и другие русские статистики-государствоведы писали свои

¹ К. Герман, Всеобщая теория статистики, стр. 101.

теоретические сочинения, было в общем благоприятным для развития тогда в России идей описательной школы, условия общественной жизни страны уже не способствовали сохранению классических представлений этой школы в полной их чистоте. Известно, что первая треть XIX столетия характеризуется все большим проникновением в Россию прогрессивной экономической мысли. Интерес к проблемам политической экономии у прогрессивных русских мыслителей, из которых самыми передовыми были декабристы, все возрастал. Он особенно усилился после Отечественной войны 1812 г., когда углубился процесс разложения крепостного строя. Положения политической экономии использовались революционно настроенными слоями русского общества для идеологической борьбы с феодально-абсолютистским режимом. Это не могло, конечно, не отразиться определенным образом и на научной разработке вопросов статистики.

Появление, например, в конце XIX столетия известного сочинения В. Андрossoва «Хозяйственная статистика», несомненно, свидетельствует о вовлечении статистиков в круг экономических проблем. Ссылаясь на работы некоторых английских и французских статистиков, Андрossoв полагает, что политическая часть статистики, основы которой заложены были Ахенвалем, должна рассматриваться отдельно от хозяйственной ее части, так как содержание этих частей различно. Если первая изучает «политический состав государства, постановления, коими правительство действует для достижения цели гражданственности: общей и частной безопасности и благосостояния», то вторая «излагает настоящий быт народной промышленности»¹. Оставляя в стороне все те сведения из области ведения дворцового хозяйства, административной службы, полиции и т. д., занимавшие столь большое место в работах статистиков, принадлежавших к описательной школе, Андрossoв в своей книге занимается исключительно вопросами, носящими экономический характер.

На сочинениях самих представителей русского государственоведения лежит печать новых условий развития общественной мысли, уже отличающихся от тех, которые собственно и породили государственоведение как особую научную дисциплину. Не остался в стороне от прогрессивных течений общественной жизни, в частности, К. Герман. В своей книге «Всеобщая теория статистики» он подчеркивает, что «переворот в науке государственного хозяйства, учиненный Адамом Смитом, делает также необходимым и переворот в статистике». Переворот в статистике заключается, по мнению К. Германа, в том, что эта наука, относившаяся только к «государственному человеку», интересовалась преимущественно состоянием армии и финансов, вопросами гражданского права и государственного управления, в настоящее время содер-

¹ В. Андрossoв, Хозяйственная статистика, М., 1827, Введение.

жит уже в себе «материалы к познанию состояния народного»¹. Сочувственно цитируя Джона Синклера, который в предисловии к своему труду *The statistical account of Scotland*, вышедшему из печати в Эдинбурге в 90-х годах XVIII столетия, пишет, что «статистика может достигнуть совершенства токмо исследованием в точности истинного состояния человеческого рода и внутренних общественных учреждений», а не политического состояния народов, относящегося «большей частью токмо к войне и налогам», К. Герман от себя добавляет, что если бы статистические изыскания вообще приняли такое же направление, как в Шотландии, то можно было все политические науки «основать на прочнейших началах»². В своих работах, а также и в университетских лекциях К. Герман подчеркивает, что статистика должна состоять из описания двух частей: народ и правительство. Народ должен составлять первую из этих частей, так как «часть управляемая всегда предшествует управляющей». Таким образом, К. Герман развивает ту же мысль о разделении статистики на две части, которую высказывал и Андроссов в своей «Хозяйственной статистике».

В соответствии с этими соображениями К. Герман предлагает схему статистического описания, которая сильно отличается от ахенвалевой схемы большей насыщенностью элементами экономической статистики. Отмечая, что в ахенвалевой статистике содержатся главным образом такие предметы, как гражданское и государственное право, преемство престола, совершеннолетие государей, государственное управление и природные чины, титулы короля и высшего дворянства, гербы и т. п. и очень мало предметов, «к государственному хозяйству относящихся», К. Герман включает в свою схему раздел, составляющий первую ее часть, — «О состоянии народа». В этом разделе, кроме численности и плотности народонаселения, речь идет также о народном богатстве: о земледелии, мануфактурах, торговле³.

Все это не остается у К. Германа только схемой. Достаточно взглянуть на длинный список трудов этого талантливому русского статистика, чтобы убедиться в том, что он старался претворить свои теоретические представления в жизнь. Среди работ К. Германа можно встретить статистические описания и сводки статистических данных, относящихся к различным вопросам экономики и демографии России начала XIX столетия: здесь и статистическое описание соляных промыслов, и статистические данные о положении сельского хозяйства и промышленности, и анализ данных статистики населения. Такие вопросы составляли уже круг интересов так называемого численного направления в статистике, развивавшегося на принципах политической ариф-

¹ К. Герман, Всеобщая теория статистики, стр. 22.

² К. Герман, Историческое обозрение литературы статистики, стр. 19.

³ К. Герман, Всеобщая теория статистики, стр. 68—70.

метики, и важно отметить, что К. Герман — крупнейший русский статистик выражает эти интересы.

Об интересе К. Германа к проблемам численной статистики свидетельствуют и те замечания о значении средних величин и статистических таблиц, которые встречаются в его сочинениях. Такие замечания невозможно было бы найти у ортодоксов государственоведения. Говоря, например, о том, что правительству нужны статистические данные для того, чтобы знать, «какие меры в каком случае принять следует», К. Герман подчеркивает, что важны «средние числа, выведенные из принятия в соображение нескольких лет»¹. В этом замечании содержится представление о законе больших чисел, может быть еще неясное, присутствовавшее и в работах ранних политических арифметиков.

К. Герман против увлечения цифрами. Он указывает, что во-первых, для каждой статистической таблицы необходимо историко-политическое истолкование, чтобы она «могла быть вразумительною», во-вторых же, «есть статистические предметы, кои не могут быть исчисляемы, как-то: состояние образованности и просвещения, государственные постановления и управление, военные отношения и законодательство». Но как ученый, воспринявший передовые идеи своего времени, К. Герман все же понимает, что изучение количественной стороны явлений составляет специфическую сторону статистики. Он не один раз подчеркивает на страницах своих трудов, что статистика «чертит таблицы; цифры суть ее красноречие», что она «может быть славна только хорошо расположенными и начертанными своими таблицами»².

Говоря о взглядах К. Германа, следует, наконец, указать и на то, что он попытался в своих теоретических работах выяснить вопрос о характере статистики как науки с философской точки зрения. Ни один из представителей государственоведения до К. Германа этого не сделал. Несомненно, что в этом обстоятельстве также нашел свое выражение тот общий высокий тонус передовой русской общественной мысли — философский и научный, к представителям которой принадлежал и К. Герман.

Разделяя все человеческое знание на знание отвлеченное, теоретическое, или собственно науку, и знание конкретных фактов, К. Герман причисляет статистику к последнему. В своей статье «Теория статистики» он пишет: «Суммы человеческих знаний, занимающихся всеобщими и необходимыми понятиями вообще и преимущественно, называются науками (которые разделяются на чистые и смешанные); имеющие же своим основанием происшествия или опыты называются знаниями. Отличительные свойства первых суть всеобщность и необходимость;

¹ К. Герман, Взгляд на нынешнее состояние статистики, стр. 104.

² К. Герман, Всеобщая теория статистики, стр. 52, также «Статистический журнал», т. I, ч. 1 и 2.

последних же частность и случайность». И далее, говоря о статистике, К. Герман указывает: «Она есть знание (*cognitio*), а не наука (*scientia*); ибо материал ее суть дела, а не понятия»¹. Во «Всеобщей теории статистики» К. Герман повторяет эти высказывания почти в тех же выражениях. Это различие между знанием и наукой, проводимое К. Германом, соответствует, по-видимому, тому представлению об абстрактном и опытным научном познании, которое развивалось философами XVII и XVIII столетий.

Судя по цитированным выше гносеологическим высказываниям, К. Герман был знаком с этим основным положением философской теории познания. В основе его рассуждений о различии между наукой и знанием несомненно лежит философское представление об истинах разума, которые всеобщие и необходимы, и истинах факта. Кантовское учение о знании рациональном, обладающем необходимостью и всеобщностью, и знании эмпирическом также, по-видимому, оказало влияние на К. Германа. Вместе с тем, он предвосхищал то возникшее уже после статистико-социологических опытов Кетле направление теоретико-статистической мысли, согласно которому статистика должна рассматриваться как наука эмпирическая, поскольку изучаемые ею закономерности относятся к определенному месту и времени. Это положение носило, конечно, метафизический характер. Но если говорить о современных К. Герману гносеологических представлениях, то нужно признать, что он находился вполне на их уровне.

Рассматривая статистику как эмпирическое знание, К. Герман не лишает ее, однако, собственной теории. «Каждая наука или основательное знание предметов вне нас находящихся, — пишет К. Герман, — имеет две существенно между собой различные части: формальную и материальную. Формальная есть *теория*; материальная же есть *предмет*; обе вместе составляют *систему* науки или знания». К этому он добавляет: «*Статистика*, так, как и всякая другая наука или основательное знание, имеет формальную и материальную части, следовательно *теорию*»². Эта теоретическая часть статистики, как ее представляет К. Герман, должна содержать, помимо выяснения вопроса о самом предмете статистики, обоснование схемы статистического описания. Таким образом, в этом теоретические взгляды К. Германа совпадают с такими же взглядами А. Шлёдера, который, выражая суть теории статистики в известной своей формуле *vires unitae agunt*, имел в виду дать в ней руководящую идею для составления схемы статистического описания. Однако следует подчеркнуть, что само стремление к трактовке вопросов статистической

¹ К. Герман, Теория статистики, «Статистический журнал», т. I, ч. I, стр. 3—4, 19.

² К. Герман, Всеобщая теория статистики, стр. 28, 32.